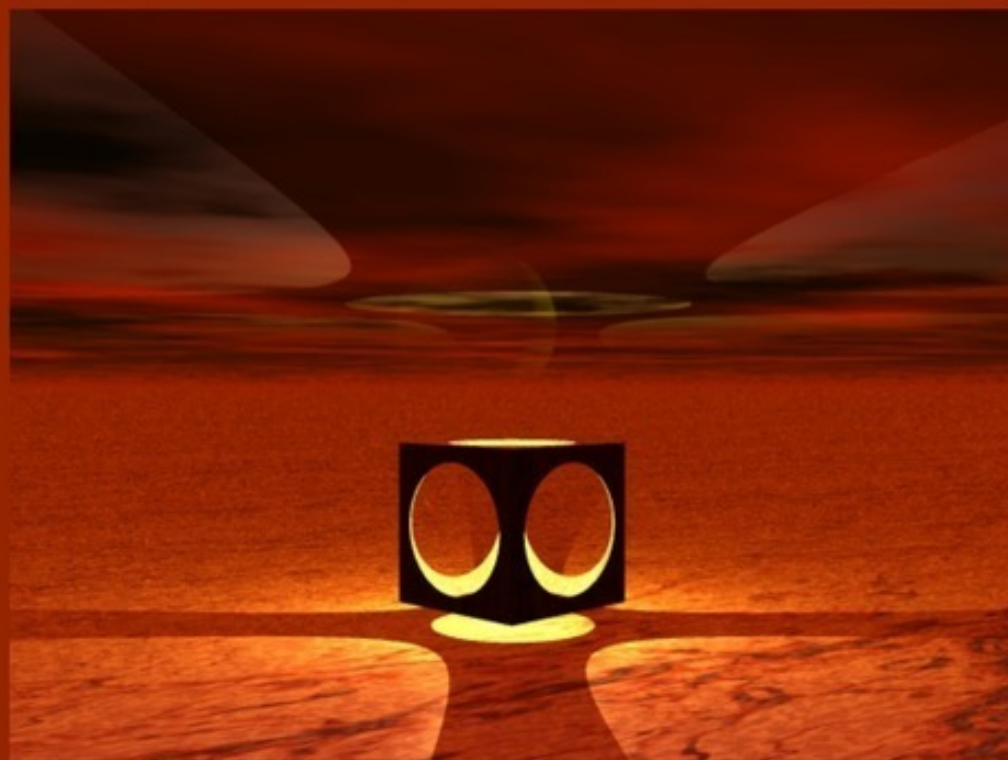

Станислав Бескаравайный

ГУТЕНБЕРГСКИЕ ПРОРОКИ

Сборник статей о фантастике

Станислав Бескаравайный

Гутенбергские пророки.
Сборник статей о фантастике

«Издательские решения»

Бескаравайный С. С.

Гутенбергские пророки. Сборник статей о фантастике /
С. С. Бескаравайный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853200-9

Семь статей и одно большое эссе о том, как современная российская фантастика попадает в свой кризис и пытается оттуда выбраться. Статьи публиковались в журнале «Полдень XXI век», были основой для докладов на конвентах, участвовали в конкурсе «Фанткритик».

ISBN 978-5-44-853200-9

© Бескаравайный С. С.
© Издательские решения

Содержание

Оглавление и аннотации	6
1. Место, где рождается будущее	7
2. Пространство предсказания	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гутенбергские пророки Сборник статей о фантастике

Станислав Сергеевич Бескаравайный

© Станислав Сергеевич Бескаравайный, 2017

ISBN 978-5-4485-3200-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление и аннотации

1. Место, где рождается будущее

Как культура уживается с научной революцией? Где та грань, что отделяет импорт науки от роста собственных «Ньютонов»? И как определить, что будущее родилось именно здесь?

2. Пространство предсказания.

Когда прогноз оборачивается пустой фантазией? Когда пророчество становится приказом? Когда предвидение порабощает оракула? У предсказания есть границы, которые можно перечислить и описать.

Технология «кокона» как признак конца истории.

«Саркофаг» жизнеобеспечения, который открывает путь в виртуальность – он имеет тысячу обликов, может быть с целый город величиной, а может существовать лишь в сознании нескольких человек. Когда же он становится колоколом для человечества?

Современные представления о галактической войне.

Храбрые пилоты не будут рассчитывать в блокнотах курсы межзвёздных крейсеров. «Космическая опера» это «стимпанк 60-х» – так и не наступившее будущее, про которое интересно сочинять технофэнтези. Но каким теперь видится конфликт цивилизаций?

Проблема постсингулярности в фантастике.

Когда компьютеры станут развиваться так быстро, что предсказать будущее станет невозможно – какой будет участь человека? Фантасты увиливают от ответа. Но как же хитро они это делаю!

6. Гутенбергские пророки

Будущее мало увидеть, о нём надо рассказать, да так, чтобы поверили. И в мире, где провидцы могут рассмотреть детали будущего – от подзорной трубы до колючей проволоки – разовьётся совершенно особая фантастика.

7. Оценка путей футурического вмешательства

Как люди из будущего могут влиять на дела прошлых дней – пусть даже у них есть машина времени? Оказываться, есть лишь двадцать семь вариантов...

8. Коллективный Тарле

Самолечение общества: как «попаданчество» отделилось от «альтернативной истории» и стало попыткой описать аполитичный технократический путь развития России.

1. Место, где рождается будущее

В прогностической фантастике существует проблема соотношения уровня техники, который мы желаем видеть в произведении, и культурной среды, общества, которое будет создавать эту технику.

Некоторых авторов совершенно не заботит, где происходят их галактические сражения или на каких планетах герои грабят банки. Будущее сделает человека настолько другим, а все современные культуры окажутся так прочно забыты, что можно все писать с чистого листа.

Но как бы не был радикален автор в стремлении писать «чистую космооперу», без узнаваемых для читателя культурных отсылок не выйдет создать яркие образы или многоуровневые конфликты. Джим Дигриз, герой «Крысы из нержавеющей стали» – эта смесь Арсена Люпена с Джеймсом Бондом. «Завтра война. Время московское» А. Зорича – настолько сильно заполнена именно современными аллюзиями, что её и прогностикой нельзя назвать.

Любое произведение НФ оказывается как бы на пересечении двух шкал:

– линия технологического развития: прогресс или регресс, успех «технологической сингулярности» или возврат в каменный век;

– культура, характерная для места действия – от ритуалов местных языческих культов до мозаики субкультур мегаполиса.

И тут мы видим крайне интересную зависимость. Далекое прошлое и далекое будущее не имеют обязательной географической или структурной привязки к странам или культурам – автор может взять любой образец.

Желаете неофеодализм в далеком будущем? «Дюна» Ф. Хэрберта. Вместо использования йеменских и арабских слов при описании фрименов, Ф. Херберт мог бы взять справочник по культуре инков или же индейцев перуанских Анд. Вместо терминов «герцог» и «падишах-император» в описании империи, можно было взять монгольские, китайские или бирманские аналоги. Если же описывается трансформация общества под самые что ни на есть развитые компьютерно-биологические технологии? «Счет по головам» Д. Марусека показывает, что уже через три-четыре сотни лет на Земле неоднократно будут смещаться центры развития, а когда люди получают доступ к омолаживающим технологиям – не только элита, но и основная часть общества станет поистине интернациональной. Ведь среднестатистический человек сменит за время своей жизни десятки занятий, выучит несколько языков. Его нынешняя профессия будет определять внешность куда больше, чем происхождение.

Желаете перенести действие в далекое-далекое прошлое? Читателю по большому счету безразлично, какие культурные аллюзии возникают при битве Конана в очередном городе – будут на заднем плане там пирамиды или же пагоды, противостоит ли ему «вождь Запорожки» или же Саломея. Когда уровень цивилизации падает до кланов Медведя и Зубра – то зацепки в современной культуре и географии становятся и вовсе иллюзорными. Большая река, на берегах которой происходит действие романов «Черный смерч» и «Черная кровь» – может восприниматься как Волга, а может как Днепр или (при большом желании) Инд.

А вот в прогностической фантастикой, с «ближним прицелом», культурно-географическая привязка возникает.

Попытаемся рассмотреть «пересечение шкал» в общем виде.

Первой ступенью на «технической» шкале выступают деградационные сценарии.

Есть ряд *сюжетов-катастроф*, привязанных к местности. Тут вне конкуренции Япония, которую не только топчет Годзилла, но и в разных романах регулярно затапливает цунами, разламывает землетрясение и бомбят метеориты. США засыпает снегом или накрывает метеоритами, отламывается Калифорния... Будущее в катастрофе сводится к двум вариантам. Первый: «Как мы примем смерть». Тут авторы свободно ориентируются на любую фокус-группу.

Например, декадентский «Последний романтик планеты Земля» – передает чувства при конце света, которые возникнут в городах западной Европы. Второй вариант: «как мы попытаемся сохранить людей для нового начала» – построение ковчегов и продажа на них билетов, показанная в фильме «2012», или попытка спасти «библию Гутенберга» в фильме «Послезавтра» и т. п.

Если новое начало не наступает – деградацию преодолеть не удастся, а смерть задерживается – то у героев исчезает ощущение «исторического времени». Персонажи «Безумного Макса» могут гоняться друг за другом по пустыне, насколько хватит топлива и запчастей. Одни десятилетия сменяют другие, и когда высохнет последняя канистра, они переседают на лошадей или пойдут пешком – грабить или защищать очередное поселение «крестьян», которым теперь придется обходиться без электричества. Самый пиковый случай деградации описан в повести «Волчья пара» Фрица Лейбера: несколько сотен человек в радиоактивных землях, вооруженные арбалетами, ножами и пистолетами, в которых толи есть, толи уже нет патронов... Структура экономики атолла «Водного мира» так же стабильна – кончится нефть в танкере «грабителей-мародеров», придется им сесть на пироги... И даже в «S.N.U.F.F.» В. Пелевина, где описано технологически развитое, но застывшее общество, вообще-то всё равно, какой номер «Священной войны» будет на объявлении, что 221, что 1250 – порноактеры снова и снова будут убивать «орков».

Деградация может быть не тотальной. При истощении нефтяных запасов (крахе индустриальной экономики), но сохранении прогресса в генетическом программировании, отчасти в робототехнике – местная традиционная культура уже приобретает решающее значение. И если автор хорошо её знает, то у него получается великолепная зарисовка «с края мира». Таков роман П. Бачигалупи «Заводная». Основной энергоноситель – пружины, воскресли дирижабли и значительную роль играют слоны. А цель королевства Таиланд – сохранить банк семян от воздействия транснациональных корпораций. В итоге королевство частично приспособляется к новым временам, но консерватизм становится основным лозунгом: надо сохранять старое, потому что новое несет больше разрушения, чем созидания.

Для НФ на прогрессистской линии развития важно, чтобы в том месте действия, которое описывает автор – действительно могло возникнуть будущее.

Можно описать середину XXI-го века в Заире. Но чтобы технический прогресс там опередил остальной мир – он должен иметь инопланетное происхождение. Корабль, или зонд, от которого идет распространение наноструктур, возникает торговля, черный рынок, силы ООН как-то пытаются сдержать все большее распространение нелегальных «товаров», но все идет прахом. Это африканский вариант «Пикника на обочине» – повесть «История Тенделео» Й. Макдональда. Или же фильм «Район №9». Перед нами катастрофический сценарий, когда будущее вытеснит прошлое, порой вместе с его обитателями.

Если представить, как развивается Заир на традиционном «пути прогресса», то мы увидим воспроизведение нашей обыденности. Будущее-для-Заира – это складывающееся индустриальное общество, урбанизация и распространение характерной для больших городов культуры – только с национальной спецификой. Реализация догоняющих проектов развития. Где там будущее-для-нас? Оно вполне возможно, только будет присутствовать в виде незначительных, чисто импортных вкраплений. Представим внука вождя племени, который стал инженером на руднике. Решая комплекс задач, характерный для советских фильмов на производственную тематику, он вполне может советоваться со «слабым искусственным интеллектом» или получать развернутые аналитические прогнозы из «справочных программ».

Можно описать индустриальный город вполне современной страны – в «Доме дервиша» Й. Макдональда дана впечатляющая панорама Стамбула. Там тоже есть импортированное будущее, хотя оно куда разнообразнее, чем в африканских деревнях. Этот импорт уже трансформирован местной культурой, освоен ею: есть хай-тек религиозный фанатизм, а увлечен-

ное собирательство антиквара переплетается с новейшим воздействием на психику человека при биржевых махинациях. Но «Дом дервиша» повествует не про возникновение будущего, а лишь про его *укоренение*. Неизбежная волна изменений накрывает очередное общество – и если оно достаточно сильно, а культура его сколько-нибудь устойчива, то волна схлынет. В языке появятся новые слова, в социуме новые структуры, в образе жизни людей – новые черты. Скажем, в повести М. и С. Дьяченко, описана фирма, персонал которой программирует сны. И в условиях современного большого восточноевропейского города возникают соответствующие этические дилеммы, а за ними возникнут и новые обычаи.

Фактор местной культуры может быть даже центральным для сюжета. Посмотрим на уже прошедшие «радикальные преобразования». Для шведов интересно узнавать, как Густав Ваза создавал централизованную шведскую государственную машину, или как Карл XII терял балтийскую империю. Для россиян – как Петр I реформировал государство. Сколько фильмов снято о той эпохе, написано сколько романов. Но интересны ли они читателям из других стран?

Если описывается очередной проект – именно эта очередность, вторичность – ограничивает восприятие. Тут начинает играть первостепенную роль именно литературные / кинематографические качества истории. Примером тому эпопеи с попаданцами, которые реализуют все те же догоняющие проекты, исправляющие историю России – уже сейчас ясно, что как только схлынет мода, останутся лишь несколько книг с типичными и хорошо поданными сюжетами.

В тех местах, где будущее проклянется, где оно сформируется – состоится именно *рождение*.

Даже если перед нами исторический роман о становлении будущего – об уже прошедшей, состоявшейся научной революции – впечатление новизны чрезвычайно велико хотя бы потому, что показано, как из архаичных и для нас полузабытых, малоизвестных моментов, из капризов, фанатизма, предрассудков и вороха смешных заблуждений – рождает то, что сейчас воспринимается азбучной истиной. «Барочная трилогия» или «Криптономион» Н. Стивенсона основаны именно на этом эффекте. «Машина различий» Б. Стерлинга и У. Гибсона – научно-техническая революция XX-го века, которую переносят в викторианскую Британию. Мы видим рыцарство и пороки тех людей, не родившийся еще марксизм и умерший луддизм, причудливое сочетание религиозности, жадности и научного прагматизма – переплетаясь, они дают начало компьютерной эре на шестеренках.

Подобная трансформация – наиболее интересное и ценное, что есть в прогностической фантастике. Угадывается не какая-то одна черта будущего (вроде успешной борьбы с экологической катастрофой), не описывается единственная машина (робот, вертолет, «Наутилус»), не выводится единственный персонаж. Даже чистое конструирование суммы противоречий, которые образуют «рисунок» эпохи – это еще статическая задача. А вот выращивание нового мира на страницах книги – это уже отчасти инструкция по его созданию.

Если автор на материале культуры/среды показывает такое рождение будущего, то и среда, которая служила фоном и гумусом – уходит в бессмертие. Она становится своего рода «осевым временем». Теми годами в начале эпохи, по которым «сверяют часы», пока эпоха длится.

«Нейромант» У. Гибсона – на двадцать лет задал для фантастов ту эпоху, которая только сейчас стала заменяться новыми образами биотехнологической революции, да и то... Япония с её хайтеком, периферийный Маракеш, усыхающая Европа. Разумеется, можно сказать, что в том же «Нейроманте» присутствует смесь культур. Равно как в «Алмазном веке или букваре для благородных девиц» Н. Стивенсона. Настоящий фейерверк из уличных предрассудков, китайских государственных традиций, европейских и американских норм семейной жизни.

Географическая и культурная привязка «колыбели будущего» с одной стороны размывается, но с другой – очерчиваются контуры той сети городов, или же сайтов, или клубов, в которой это будущее зарождается. Европейская научная революция случилась не только в Баварии

или Париже. «Республика ученых» – сеть переписки XVII-го века – включала сотни корреспондентов в десятке стран.

Будущее всегда рождается из мозаики, из коктейля. Важно – входите ли вы в эту мозаику, или нет. Создатели киберпанка дали очертания своей сети «исходных пунктов», тех цветных камешков, из которых должен родиться узор нового времени. И через тридцать лет после выхода «Нейроманта», можно восхититься – не просто тем, как много угадал автор, но тем, что мы *все еще понимаем* персонажей его произведения. Они не превратились в чистые абстракции, вроде истовых монахов или благородных рыцарей, ищущих поединков и расхваливающих образ своей прекрасной дамы. Значит тот мир, что создал У. Гибсон – в каком-то смысле все еще с нами.

От общего рассмотрения проблемы перейдем к частному – к нашим осинам.

Когда автор с постсоветского пространства начинает рассуждать о будущем, он оказывается на развилке: культурная традиция к которой мы принадлежим (и к которой принадлежит большая часть читателей) – она будет для этого будущего внутренней или внешней? Ведь будущее, которое рождается сегодня, прямо сейчас, сосредоточено в нескольких «сетях» мировой цивилизации, а в других местах есть лишь редкие уголки.

Если внешняя – то авторы обречены в той или иной степени подражать творчеству Й. Макдональда, который в последние годы дал очень хорошие образцы сочетания передовой науки и периферийной культуры. Другие варианты требуют упрощения и еще раз упрощения. Можно вспомнить то, как А. Беляев был вынужден помещать те открытия, которые не мог совместить с реалиями СССР 20-х годов, в другие страны. И в романе «Человек, нашедший своё лицо» мы видим стилизацию Голливуда – упрощенное и даже инфантильное представление о нравах и структурах тамошнего общества. Если же брать описание колониальной Индии в «Ариэле», то, не смотря на попытки придать ему реалистичность, оно тоже упрощено, приспособлено к требованиям цензуры и восприятию читателей. Сложность, серьезность чисто фантастических проблем «отрывается» от проблем общества, на фоне которого развивается сюжет. Даже С. Лем – автор, великолепно умевший выразить связь техники с развитием общества («Футурологический конгресс») – сплошь да рядом вынужден был прибегать к упрощениям, к ироническим уверткам («Звездные дневники Йона Тихого»).

Если внутренняя – надо придумать, как нас будет рождаться будущее: из научных городков, из сложностей с олигархией и бюрократией, из попыток импортозамещения, из больших международных проектов науки и энтузиазма «кулибиных». Понятно, что достичь мировых высот сразу во всех областях науки, техники и культуры – не получится. Либо успехи не выйдут распространить на все общество. Пример Союза достаточно показателен: лучшие ракеты и плохая обувь. Плюс – целый спектр новых проблем, которые в советской фантастике *все-речь* не решались. Например – межнациональные стычки. А еще отношение к большим деньгам, религиозные вопросы, представление о собственности на землю, авторское право... Роман о будущем вовсе не обязательно будет энциклопедией. Нет. Но герои там обязаны быть цельными, понимающими в жизни людьми. Важно понимать – описывать придется не уже состоявшуюся эпоху, вроде брежневского «развитого социализма», не сложившееся общество или «мира полдня» А. и Б. Стругацких.

В 50—80-е годы советские фантасты видели себя представителями передовой страны – и англо-американскую фантастику рассматривали как элементы конкурирующего проекта. В 90-е мы переживали катастрофу – мир будто распадался. Из «обоймы» западной фантастики пришли разнообразные зомби-апокалипсисы, а фэнтези стала «обезболивающим средством». Попытки переломить тенденцию, и продолжить описывать «цивилизационное лидерство» – выглядят, скажем так, малореальными. «Звезда Полярная» В. Рыбаков. Но за последние годы «окно возможностей», которое открывается в будущем постсоветскому пространству, обрело относительно устойчивые очертания. О конкретике этих очертаний спорят философы и поли-

тологи. Кто-то настаивает на «отдельной цивилизации», кто-то рассуждает о «региональном центре влияния» или «европейском выборе».

В качестве примера можно привести роль английского языка в диалогах персонажей будущего. Сейчас это язык мировой науки и международного общения. Увидим ли мы повторение салонных разговоров у Анны Павловны Шерер, которые велись большей частью на французском; появится ли большое количество гибридных шуточек в стиле В. Пелевина; или же возникнет совершенно новый устойчивый жаргон, наподобие того, что описал С. Жарковский в «Я, Хобо»? А может русский язык сделает своими все англицизмы, как освоил голландские слова в петровскую эпоху?

Сейчас мы видим два процесса. С одной стороны бешеное по скорости переваривание, усвоение русским языком иностранных слов. Файл, ксерокс, сервер, менеджер, мерчандайзер и т. п. Причем часть слов, за несколько лет пройдя путь от жаргонизма до общепризнанного термина, уже стала исчезать – «дискета» уходит вместе с «3,5 дюймовым диском», ей на смену спешит «флэшка». Часто прямые кальки из английского языка приобретают своё значение: «зафрендить» не означает «подружиться», и вообще – «кого хочешь „лайкай“, а люби – меня». С другой стороны – растет уровень владения английским языком. Умеренное владение им стало обязательно для образованного человека и есть множество профессий, где без хорошего английского вообще никак.

Соответственно, если действие романа происходит через тридцать-сорок лет, то рационально было бы предположить, что в русской речи персонажей будет несколько новых английских слов, разной степени натурализации. Обычным станет разговор, где будут сочетаться реплики на русском и английском – безо всяких сложностей перевода. «Пиджик», чисто жаргонное смешение языков, которое Б. Акунин попытался предъявить в качестве речи «человека будущего» («Внеклассное чтение») – останется маргинальным. Почему? Для любого пользователя будут легкодоступны образцы английской речи и переводов, освоения новых слов. Сохраняется машина «нормирования языка» – школы, государственная документация, литература и кино, СМИ. Чтобы разговорный язык окончательно свалился на уровень жаргона – требуется тотальный распад государства, общества и культуры. То есть пиджиком могут (и должны) изъясняться персонажи «Мародера» Беркема аль-Атоми. Если предположить состоявшийся крах США и кризис западного мира – описанный, к примеру, во «Флэшбеке» Д. Симмонса или «Распаде» Н. Стивенсона – то английский какое-то время просуществует в качестве латыни XXI-го века, причем в Индии эта «латынь» – один из государственных языков. Китайский язык начнет расширение сферы своего применения, но еще не обзаведётся такой широкой интернациональной сетью пользователей, как английский. Увеличится значение испанского, но для постсоветского пространства это будет именно иностранный язык, который имеет смысл учить людям, имеющим дело с Латинской Америкой.

С техническим прогрессом ситуация несколько иная. Когда удастся создать хотя бы крошечный кристаллик, который бесконечно воспроизводит себя в будущем, тысячекратно повторяется в проектах и разработках – задать стандарт конструкторского решения – это победа. Проблема в проекции этого решения на другие области. Карданный вал в механике – важнейшее изобретение – только вот обычный инженер не вспоминает про изобретателя Кардано, порой ничего не знает об Италии XVI-го века и уж тем более не обязан следовать ценностям эпохи Возрождения. Чтобы не повторять бесконечно примеры советских парадоксов «лучшие ракеты и плохая обувь», надо воспользоваться понятием «зона разделения труда». Это пространство, где налажено действие единой системы – от изобретения до сбыта. Появление и борьба таких зон, становление единой планетарной системы разделения труда – тема для политэкономических трактатов. Читатели фантастики редко интересуются подобным. Но авторы, конструирующие миры, должны понимать: чтобы изобретение стало «твоим», осмысливалось всем миром через призму твоей культуры – необходимо провести его от слу-

чайной формулы в блокноте ученого до прилавка в супермаркете, и реклама над прилавком тоже должен быть твоей. Сейчас «Айфон» собирают в Китае, но весь мир воспринимает этот мобильник, как американский товар – вспоминает Стива Джобса и «общество потребления». Можно предположить самые разные варианты развития мира и постсоветского пространства – и каждому варианту соответствуют свои образы. «Подразделение транснациональной корпорации» – это всегда звено процесса. Какой бы рывок не получалось сделать тамошним разработчикам, «обертку» товара поставит кто-то другой, а осмыслит последствия для общества – третий. Однако для мира, где прогресс двигают вперед только такие корпорации, требуется единая экономика, без пяти минут Земное правительство. «Своя корпорация» для национальной экономики – редкость. Достаточно вспомнить, сколько организаций уровня, скажем, «Росатома», существует на постсоветском пространстве. Но если холодная война возвращается на десятилетия, то соперничество государственных корпораций, которые намертво срastутся с разведками и начнут культивировать разнообразные проявления национализма – неизбежно.

Чтобы наши прогностические романы были сколько-нибудь реалистичны – надо помнить про «окно возможностей», оценивать, какую долю в будущем человечества мы здесь создаем...

Октябрь 2014

2. Пространство предсказания

Пророчества, предсказания, видения о будущем – один из самых устойчивых элементов фантастики. Как фэнтези наполнена бормотанием оракулов, так и научная фантастика редко когда обходится без данных, которые приносит машина времени или обеспечивает хроносдвиг.

Но с чем имеют дело фантасты, воплощающие на страницах своих текстов очередные тексты пророчеств? Какие приемы и комбинации, использующие «сведения о будущем» – будут логичны и непротиворечивы, а какие оставят впечатления хаоса?

Способы увидеть будущее классифицируются сравнительно легко – тут главное не увлечься разбором бесконечных разновидностей мантики. Для начала необходимо отделить гадание от прогноза. Прогноз, в конечном итоге, это осознанный расчет, это алгоритм. Его автор экстраполирует существующие тенденции, пытается вообразить качественно новые факторы, смоделировать развитие ситуации. Если алгоритм прогноза рассекречен, то любой человек может повторить удачный опыт или убедиться в его ошибочности. Гадание – не может осуществляться без элемента тайны или даже чуда. Пророчество – покровительства высших сил, которое тоже тайна, но еще и заведомо непонятная для человека.

Сложнее с путешествиями во времени и с прямыми указаниями из будущего. Сериал «Путешественник» («Journeuman») демонстрирует журналиста, который перемещается в прошлое – каждый раз, чтобы исправить очередную трагедию. При этом механизм путешествия не проясняется, причины не указываются, люди (или силы), которые выбрали героя и дают ему задания – не раскрываются.

Но бывает, автор «настаивает» на естественнонаучном характере выдуманной им вселенной. С одной стороны любая тайна там лишь неразрешенная загадка. Однако целиком тайну устранить не получается – она сохраняется в виде парадокса. Путешествия во времени немедленно дают такое количество загадок, противоречий, искажений логики, что некая фигура умолчания неизбежно присутствует. При этом сказать, что герои трилогии «Назад в будущее» принимали заведомо внерациональные решения – нельзя. Предсказания (изображения на фотографиях, принесенных из будущего) были не только понятны, и еще имели четкую причинно-следственную связь с другими временами.

Если посмотреть, что общего есть у гадания, пророчества и прогноза, то определение предсказания станет очевидным: предсказание это получение персонажем информации о будущем.

Какими же качествами может характеризоваться предсказание, каковы свойства знаний о грядущем? Эти свойства можно описать с помощью категорий диалектики, противоречия между которыми будут раскрывать те или иные качества предсказания.

Первый показатель, это *целостность* картины будущего, которая соответствует противоречию между *возможностью* и *действительностью*.

Само предсказание начинается с отрывочных сведений. Персонажи получают информацию о некоей потенциальной возможности. «Нарезка» будущего может быть любой – тут и любовь и деньги, и случайный выстрел в любимую вазу, и роковая рыбная косточка. В рассказе А. Бестера «О времени на третьей авеню» герой получил из будущего всего лишь столларовую купюру, на которой стояла его подпись в качестве министра финансов США. Любой оракул, почти все вещуньи, большая часть гадателей – видят в будущем лишь отдельные куски, некие фрагменты.

Сюжеты множества произведений вращаются вокруг одного и того же приёма – герои видели неясный отрывок из будущего, думали, что увиденные события предопределены (или же наоборот, поправимы), но не знали полной картины, потому и жестоко ошиблись. Один из самых известных примеров в кинематографии – «Звездные войны. Месть ситхов»: герой

видит в будущем смерть своей жены, и в попытке спасти её, не только предает соратников, но и обрекает супругу на смерть.

Так же героев могут вновь и вновь посещают видения, которые не описывают будущее целиком, но дают множество несвязных образов. В цикле Дж. Мартина «Песнь льда и огня» дано множество примеров подобных видений: тут и посещение Дейнерис магического Дома Бессмертных, тут и сны покалеченного Брана. Даже деревенская ведьма, проспав несколько ночей на месте бывшего капища, могла выдать бессвязные, но понятные читателям, описания будущего и настоящего.

В научной фантастике идеальным примером *фрагментарного предсказания* выступает начало сериала «Мгновенья грядущего» – все человечество отключилось на пару минут, в это время люди видели себя через несколько месяцев. Но продолжительность видения была слишком короткой, чтобы каждый отдельный человек мог понять, как он дойдёт до жизни такой, и что значат его переживания в те самые две минуты грядущего.

Чем более подробно и качественно предсказание, тем больше шансов протянуть непрерывную ниточку умозаключений от настоящего к условному будущему. Увидеть не просто фрагмент грядущего, но вариант действий, которые приведут к указанному результату. Поначалу это может быть единственный способ действий – все прочие тонут в тумане вероятностей. Если количество информации в предсказании еще больше, то появляется картина «павлиньего хвоста вероятностей», когда от точки настоящего расходятся линии возможного развития событий, есть очевидные развилки. Но что еще более важно – персонаж перестает рассматривать любую информацию из будущего (или о будущем) как критически важную. Если есть сценарий, наиболее благоприятного варианта развития событий, то слишком уж невероятные предсказания заведомо отменяются. От провидцев требуют не отрывочных видений, но «карты будущего». Таковы были предсказания ясновидящих в «Убике» Ф. Дика: будущее представлялось им в виде структуры, похожей на пчелиные соты, и в каждой ячейке был свой вариант развития событий. Аналогичный подход, уже на строго научной основе, продемонстрирован в романе «Полёт урагана» В. Головачева: в одном из институтов работал прогностический центр, который рассчитывал для ответственных лиц «дерево вероятностей», и это прогноз персонажи настойчиво рекомендовали друг другу, как способ избежать неприятностей. Таковы и действия «наблюдателей» из сериала «Грань» – они знали очень многое о будущем, но всеведение было им недоступно. Потому будущее распадалось на варианты, и какой из них станет актуальным – они не знали.

Еще больше информации, еще больше знания о вариантах пока, наконец, герой не получает в свое распоряжение *все* варианты событий на определенном отрезке времени. Перед нами предсказание не отдельного варианта, но всей суммы возможных событий – *потокное предсказание*. Таким персонажем стал Муад'Диб (Пол Атридес) в книге Ф. Херберта «Мессия Дюны» – он настолько четко предвидел будущее, что даже потеряв зрение не утратил возможности общаться с людьми и управлять государством. Его глаза были незрячи, но пророческое чутье безошибочно подсказывало детали окружающей обстановки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.